

УДК 001.4

Терминология – семиотическая система «второго порядка»

Кухно Ирина Юрьевна

Аспирант Самарского филиала
Московского городского педагогического университета,
443081, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, 76;
e-mail: irina.kuhno@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам терминологии и терминоведения. Рассматриваются различные подходы ученых к решению теоретических проблем теории термина. Указаны признаки, отличающие слово литературного языка от термина, функционирующего в так называемом языке для специальных целей. Обозначаются механизмы семантического перехода от общего к специальному.

Для цитирования в научных исследованиях

Кухно И.Ю. Терминология – семиотическая система «второго порядка» // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 4. – С. 41-55.

Ключевые слова

Термин, терминология, терминосистема, терминоведение, дефиниция.

Теоретические основы терминоведения

Слово *терминология* происходит от лат. terminus – «термин, предел, граница, конец» и др.-греч. lógos – «слово, наука, учение». Этимология дан-

ной лексемы указывает на то, что терминология является конечной стадией осмысления человеком себя, умозрительной гипотезы, окружающего мира и прочих реальных или мыслимых денотатов. Называя терминологию языком второго порядка, Ю.В. Сложеникина указывает, что «это не просто список терминов, это семиологическая система, выражающая определенную систему понятий, отражающих определенное научное мировоззрение. Возникновение терминологии в человеческой истории возможно лишь при достаточно высокой степени развития научного мышления» [Сложеникина, 2010, 195]. Ученые противопоставляют термин не-термину тогда, когда у понятия появляется дефиниция, то есть научное определение. Научное знание становится причиной появления научной речи и ее важнейшего компонента – *терминологии*.

П.А. Флоренский в классической работе «Термин» писал: «Научная речь – выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. Суть науки – в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин – это значит решить поставленную проблему. Всякая наука – система терминов. Поэтому жизнь терминов и есть история науки <...> Изучить историю науки – это значит изучить историю терминологии. Термины – это какие-то границы, какие-то межи мысли» [Флоренский, 1994, 359]. Философ называл термин словом слов, соком слова, используя для характеристики термина определения «спрессованный», «существенный», «концентрированный», «синтетичный». Философское видение П.А. Флоренским когнитивной природы термина открывает сущность, качества, отношения, свойственные не отдельным видам явлений, а всеобщему бытию [см. также Верещагин, 1982]. Эти знания выражаются в универсальных формах человеческого мышления – понятиях, терминах. Они – итог познания мира.

Обзор литературы, посвященной изучению терминологии, позволяет полагать, что появление и развитие терминологии началось задолго до ее научного осмысления и выработки критериев отнесенности тех или иных единиц к терминологической лексике. В Германии слово *терминология* впервые было употреблено профессором Шютцем в 1786 году. Во французском языке оно

также появилось в XVIII в., а в английском, по данным Большого Оксфордского словаря, впервые зафиксировано в 1801 году.

Велика роль М.В. Ломоносова в образовании русского научного языка. Всестороннее знание родного языка, обширные сведения в точных науках, прекрасное знакомство с латинским, греческим и западноевропейскими языками, литературный талант и природный гений позволили Ломоносову заложить основания русской технической и научной терминологии. Ломоносов не просто нормировал русский язык, он фактически создал язык науки, заложил основы русской научной и технической терминологии. Многие термины, созданные Ломоносовым, прочно вошли в научный обиход.

Терминоведение – область языка, охватывающая языковые знаки специальной сферы использования

В.М. Лейчик выделял ряд этапов в развитии терминоведения. Первый, подготовительный – от античности до Нового времени. Второй – 30-60 гг. XX в., связанный с именами основателей новой науки (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Э.К. Дрезен, Т.Л. Канделаки, Л.А. Капанадзе, Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, А.М. Терпигорев, П.А. Флоренский и нек. др.). В первые десятилетия XX в. терминология стала актуальным объектом лингвистических исследований, была создана русская терминологическая школа. Третий – 70-90-е гг. XX в., характеризующийся выделением терминологии в самостоятельный раздел лексикологии, появлением специальной литературы, объекта, методов исследования, разработкой теории термина (Н.В. Васильева, В.Г. Гак, Н.Б. Гвишиани, А.С. Герд, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, Р.Ю. Кобрин, Т.С. Коготкова, З.И. Комарова, С.И. Коршунов, Н.З. Котелова, К.А. Левковская, В.М. Лейчик, Г.П. Мельников, С.Е. Никитина, В.П. Петушков, Р.Г. Пиотровский, Н.В. Подольская, В.Н. Прохорова, Г.Г. Самбурова, А.В. Суперанская, В.А. Татаринев, Е.Н. Толикина, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, С.Д. Шелов, Н.А. Шурыгин и др.).

Вопрос о наименовании науки – терминология или терминоведение – до конца XX в. оставался дискуссионным. Как указывал С.В. Гринев, слово *терминология* обозначало три разных понятия: 1) «система терминов опреде-

лѐнной области знания», 2) «вся совокупность терминов языка», 3) «наука, изучающая термины» [Гринев, 1993, 309; см. также Шелов, 1984]. Однако после защиты В.М. Лейчиком в 1989 г. докторской диссертации «Предмет, методы и структура терминоведения» эти понятия разошлись: терминологией принято называть совокупность специальных слов какой-либо отрасли знания, а терминоведением – науку, исследующую эти совокупности. Четвертый, современный этап определяется дифференциацией общего терминоведения на частные направления исследований: теоретический и практический, типологический и сопоставительный, семасиологический и ономасиологический, исторический и функциональный, когнитивный, вариологический, прагматический, лингвокультурологический, коммуникативный. Он связан с научной деятельностью таких терминоведов, как К.Я. Авербух, Л.М. Алексеева, Е.В. Бекишева, О.В. Борхвальдт, Л.Ю. Буянова, М.Н. Володина, С.В. Гринев, С.Г. Казарина, А.В. Лемов, С.И. Маджаева, Л.А. Манерко, С.Л. Мишланова, Е.А. Никулина, В.Ф. Новодранова, Ю.В. Сложеникина, Э.А. Сорокина, В.Д. Табанакова, М. Ресман и др.

В настоящее время можно говорить о терминоведении как особом разделе общей лексикологии. Предмет общей теории терминоведения составляют: изучение формирования и употребления специальных слов, с помощью которых аккумулируются и передаются накопленные человечеством знания; совершенствование существующих терминологических систем; поиски универсальных черт, свойственных терминологиям разных областей знания; поиски оптимальных путей создания новых терминов и их систем [см. Castellvi, Bagot, Sierra, 2012]; вопрос национальных и международных систем терминологии [см. Humbley, Palacios, 2012]. «Референтная функция, направленная на создание новых обозначений для наименования новых понятий, выполняется в научных текстах <...> в ситуации, когда ученый целенаправленно использует новые термины в качестве средства теоретизирования для лучшего объяснения данной концепции» [Ресман, 2014, 1]. Также, как замечают зарубежные исследователи, неологизмы в специализированных областях лексики могут не только называть вновь открытые феномены и инновационные концепции, но и заполнять лексические пробелы [Vendrell, Domínguez, 2012].

Несомненно, терминология представляет собой наиболее динамичную и подвижную лексическую систему языка, поэтому исследования в этой области имеют зачастую историческую ориентированность, показывая, как возникает, развивается и сменяется во времени терминология в зависимости от развития соответствующих наук и общего стиля мышления эпохи. Вслед за В.М. Лейчиком принято различать *терминологии* естественно сложившиеся совокупности терминов определенных областей знания или их фрагментов и *терминосистемы* – упорядоченные терминологии с зафиксированными отношениями между терминами, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями [Лейчик, 2006, 130-140].

При изучении любой терминологии с лингвистических позиций важно определить, какое место она занимает в лексической системе языка. По данному вопросу сложились две основные точки зрения: терминоведческая и языковедческая. Общим для них является признание того факта, что терминологии, обслуживающие коммуникативные потребности конкретных отраслей знания и деятельности, существуют и функционируют в некой языковой среде. Такая «естественная среда обитания» терминов получила в литературе разные наименования: *язык науки, специальный язык, язык для специальных целей*. Под языком в данном случае понимают систему специальных лексических средств, то есть терминологию. Она рассматривается как лексико-семантическое («смысловое») ядро лексики ЯСЦ.

Оппозиция *специальное слово – общелитературное* рассматривается большинством ученых как омонимичная. Позиция В.В. Виноградова сводится к разграничению общелитературных слов и терминов: «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [Виноградов, 1972, 16]. Межстилевая омонимия возникает между синхронно существующими пластами русского национального языка, в частности, между общенародной литературной и терминологической системами. «В этих подъязыках отчетливо проявляется смысловое расхождение слов-омонимов, связанных с одним и тем же внеязыковым денотатом. В сравнении с лексемами литературного языка, термины

точные и определенны в своем содержании (за счет достаточного количества признаков), в них невозможно отступление от дефиниции. Омоним термина в общеупотребительном языке всегда менее конкретен, определяющие признаки бывают как бы стертыми», пишет Ю.В. Сложеникина [Сложеникина, 2013, 64]. Между естественным и специальным языком постоянно функционирует канал заимствования, по которому общеупотребительные слова распределяются по различным терминологическим полям. Ю.В. Сложеникина называет семантические механизмы перехода от общего к специальному: а) строгая определенность значения, создание научной дефиниции; б) метафора; в) метонимия; г) синекдоха; д) сужение или, реже, расширение значения [Там же, 63-68]. Несмотря на то, что в мире насчитывается свыше 2000 национальных языков, развитая научная терминология существует лишь на 60 языках и охватывает около 300 профессионально-предметных полей.

Формирование терминологии в той или иной отрасли знания в большой степени зависит от сознательных усилий людей. Считается, что в силу общей специфики гуманитарного знания терминология не может быть стандартизирована. Она может быть лишь систематизирована и унифицирована. Этим целям служат словари терминов – разновидность отраслевых терминологических словарей, куда входят словники (алфавитные списки терминов без дефиниций), толковые и энциклопедические словари, а также тезаурусы – словари, фиксирующие семантические связи терминов. Основные термины (как свод терминологии) конкретной сферы знаний издаются в виде терминологических сборников.

Термин и его свойства

Существует мнение, что слово, которому придается значение термина, вызывает не всегда уместные для термина ассоциации. Предотвратить ложные ассоциации, создать условия для правильного восприятия термина можно только в том случае, если термин существует в лексике для специальных целей. Как пишет Ю.В. Сложеникина, «характерной особенностью терминологических знаков является их преднамеренное создание и использование

людьми для обозначения специальных реалий в профессиональном общении, появление того или иного термина или нового оттенка значения всегда связано с реализацией какой-либо целевой установки, оно прагматически оправданно. Сознательное использование знаков в заданных целях обеспечивает их более или менее одинаковое понимание членами профессионального коллектива» [Сложеникина, 2010, 89]. Неоднозначны мнения ученых по поводу свойств и функций термина. С одной стороны, лингвисты считают, что термин как речевая номинативная единица научного стиля обладает всеми функциями, присущими слову и лексеме. По мнению В.П. Даниленко, «термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо» [Даниленко, 1971, 72]. Такую точку зрения разделяют С.В. Гринев, Н.З. Котелова, В.М. Лейчик, Ю.Н. Марчук, Р.Г. Пиотровский, В.Н. Прохорова и др. С другой стороны, лингвисты признают, что термин имеет ряд существенных особенностей: «Судьба слова-термина никак не связана с судьбой других слов, потому что в его истории нет проблем лексической сочетаемости, синонимии, антонимии, его отличают специализированность значения, точность семасиологических границ, сфера употребления» [Капанадзе, 1965, 78]. С этой точкой зрения согласны Р.А. Будагов, Н.В. Васильева, Г.В. Винокур, Н.В. Подольская, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская и другие ученые.

Понимание исследователем терминологии текста на уровне, адекватном авторскому, оказывается перед логическим препятствием: для того, чтобы понимать, надо объяснить смысл терминов и уточнить смысловые признаки слов общего языка, но, чтобы их объяснить, следует вначале их понять. Термины противопоставлены общей лексике в том отношении, что они связаны с определенной научной концепцией: в термине отражаются результаты научных исследований и их теоретическое осмысление. Современная наука называет подобную ситуацию герменевтическим кругом и возлагает решение на науку герменевтику. Философско-гносеологический подход к термину отмечает два его признака: термины используются как средство закрепления результатов познания в специальных областях знаний и деятельности; термины, наряду с функцией фиксации, выполняют функцию открытия нового знания. Движение науки создает условия для развития терминов и терминологий. Возможность

специального слова изменять свою дефиницию позволяет ему развиваться и подниматься до высоты современного научного осмысления того или иного концепта.

В настоящее время изучение терминологии актуально в связи с перманентно действующими процессами образования терминов. Для осознания этого процесса важно многоаспектное рассмотрение терминированных единиц как особых языковых знаков. Исследователей волнует вопрос, связанный с прагматическими свойствами термина, его оценочным и эмоционально-экспрессивным компонентом (А.Н. Баранов, Т.М. Белоконь, Н.В. Васильева, В.И. Карасик, Т.С. Кириллова, В.М. Лейчик и др.). Лингвисты считают, что экспрессивность, эмоциональность не свойственны терминам, поскольку нет необходимости искать подтекст научно-терминологической речи, в отличие от художественных произведений, где основополагающим критерием является образность.

Термин, как известно, признается единицей нейтральной в стилевом и эмоционально-экспрессивном отношении. Ю.В. Сложеникина, разделяя точку зрения о принципиальном вхождении терминов в коннотативную систему современного русского литературного языка, квалифицирует коннотацию как дополнительное значение, связанное с выражением субъективных интенций говорящего (пишущего). В.Н. Прохорова доказывает, что эмоциональная нейтральность и экспрессивная пассивность не могут быть отнесены к числу основных признаков термина. Данная концепция основывается на сложности смысловой структуры терминов. Профессиональные лексемы могут быть выразительными, семантически острыми и экспрессивными. При этом исследователь подчеркивает, что «термин – это любое слово языка в функции названия. Различие между терминами и другими словами русского языка не органическое, а функциональное» [Прохорова, 1996, 262]. Функциональный (дескриптивный) подход к термину использовали Г.О. Винокур и В.В. Виноградов. В статье «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» Г.О. Винокур писал, что термины – это «не особые слова, а только слова в особой функции». По мнению академика В.В. Виноградова, такая функция называется дефинитивной, т.е. «определение, толкование, так

как за ним (термином) стоит не предмет, не вещь, а «логическое определение» [Виноградов, 1972, 87]. В словарях термин не толкуется, а именно определяется. По мнению А.И. Моисеева, дефинитивную функцию нельзя признать свойством термина: «термин не определяет и не может определить понятие. Это задача логической дефиниции. У термина, следовательно, какая-то другая функция». А.И. Моисеев приходит к выводу, что «термины – это слова и словосочетания строго номинативной функции, а именно, определенный тип имен существительных и словосочетаний на их основе» [Моисеев, 1970, 168]. В.М. Лейчик в статье «О языковом субстрате термина» пишет о том, что термину присущи все основные функции слова: номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая. «Дефинитивной функции, которую часто ему приписывают, термин не выполняет», заключает исследователь [Лейчик, Шелов, 2004, 90-91]. Функциональный взгляд на термин развивается многими лингвистами (К.Я. Авербух, А.С. Герд, Н.И. Фомина и др.).

Другая проблема, волнующая исследователей – проблема краткости термина. К.Я. Авербух считает, что это одна из важнейших проблем терминоведения, поскольку современная терминологическая ситуация характеризуется появлением большого числа многословных терминов, так как «углубление знаний человечества о ранее открытых предметах и явлениях заставляет добавлять все большее число атрибутов к известным терминам» [Авербух, 1986, 47]. По мнению ряда исследователей, термин не должен быть ни длинным, ни кратким – он должен быть объективно физически протяженным. Вопрос о допустимости в терминологии лексико-семантических отношений – синонимии, омонимии, антонимии, полисемии – является наиболее дискуссионным.

Рассуждая о возможной полисемии термина «индоевропейский», К. Кристенсен замечает: «мы должны либо отменить термин «индоевропейское» полностью, либо признать, что он относится к ряду социальных и религиозных традиций и учреждений, история которых не может быть полностью отделена от языка» [Kristiansen, 2005, 694].

По мнению зарубежного исследователя, «последовательных методик описания терминологических эквивалентов по-прежнему не выработано» [Pimentel, 2013, 237]. По мнению К.Я. Авербуха, «все случаи отклонения от

моносемичности термина описываются как явления его неверного употребления» [Авербух, 1986, 39]. Однако точно и наблюдение о том, что «Терминологические вариации имеют большое значение как языковой выход к различным измерениям той же идеи» [Tercedor, 2011, 181].

Заключение

Терминология находится в пределах общелитературного языка, но, как замечает В.П. Даниленко, «на правах самостоятельного сектора». Основу коренного отличия между общелитературной и специальной лексикой исследователи видят как раз в особенностях системной организации той и другой. «Для специальной лексики языка науки характерна более высокая степень системной организации ее отдельных звеньев, т.е. отраслевых терминосистем, обусловленная, с одной стороны, наличием классификации по определенным основаниям соответствующих понятий, с другой – более «оперативным» вмешательством носителей языка науки в организацию терминосистем» [Даниленко, 1971, 57].

Кроме общих лексико-семантических процессов в языке науки исследователи отмечают особые явления, свойственные только терминологии. В термине при постоянстве внешней стороны языкового знака возможно изменение структуры понятия, отраженного в дефиниции. Это происходит в условиях эволюции понятия, становления его на разных этапах развития научных знаний. Кроме того, в пределах языка науки нет единого мнения по вопросу о сущности термина. Сложилось множество противоречивых точек зрения на языковую природу термина. Единственное, в чем сходятся лингвисты, – это то, что термины во многом отличны от других слов литературного языка.

Библиография

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. – 1986. – №6. – С. 38-49.

2. Верещагин Е. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. – 1982. – № 6. – С. 105-114.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972. – 616 с.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993. – 309 с.
5. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7-67.
6. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного языка. – М., 1965. – С. 75-85.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
8. Лейчик В.М., Шелов С. Д. Российское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы // Научно-техническая терминология. – М., 2004. – Вып. 1. – С. 45-48.
9. Моисеев А.И. О языковой системе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 127– 132.
10. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М., 1996. – 126 с.
11. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, норма, функция. – М.: ЛКИ, 2010. – 288 с.
12. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. – М., 2013. – 120 с.
13. Флоренский П.А. Термин // История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия / Сост. В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей, 1994. – С. 359-400.
14. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76-87.
15. Castellvi C., Bagot E., Sierra V. Neology in specialized communication // Terminology. – 2012. – № 18 (1). – P. 1-8.

16. Humbley J., Palacios G.J. Neology and terminological dependency // Terminology. – 2012. – № 18 (1). – P. 59-85.
17. Kristiansen K. Problem formulation and historical context define terminology and relevance – not linguistic formalism // Antiquity. – 2005. – № 79 (305). – P. 694-695.
18. Pecman M. Variation as a cognitive device: How scientists construct knowledge through term formation // Terminology. – 2014. – № 20 (1). – P. 1-24.
19. Pimentel J. Methodological bases for assigning terminological equivalents: A contribution // Terminology. – 2013. – № 19 (2). – P. 237-257.
20. Tercedor M. The cognitive dynamics of terminological variation // Terminology. – 2011. – № 17 (2). – P. 181-197.
21. Vendrell R.M., Domínguez F.J. Emergent neologisms and lexical gaps in specialised languages // Terminology. – 2012. – № 18 (1). – P. 9-26.

Terminology as a semiotic system of the second order

Irina Yu. Kukhno

Postgraduate student,
Samara Department of
Moscow City Teacher Training University,
P.O. Box 443081, Stara-Zagora st., 76, Samara, Russia;
e-mail: irina.kuhno@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of terminology and term studies. Different approaches to the solving of term theoretical problems are considered. The author indicates the attributes that differ term from the words of literary language, the term functions in the coded language of scholarship. The article shows a mechanism of semantic transition from general to special in terminology.

The author describes the Russian terminology development stages and Lomonosov's creative work on scientific and technical terminology is Russian, Terminology is seen as a system of signs which expresses certain concept system. The term studies are discussed as a linguistics sphere connected with signs of special usage. The place of terms in the lexical system of the language is set. The author pays attention to the questions of the creation of new dictionaries, the features of the term and its brevity, the accuracy of usage sphere of the term, and concepts evolution. Among the general lexical and semantic processes of the science language the researches note the processes specific only for terminology.

For citation

Kukhno, I.Yu. (2014) Terminologiya – semioticheskaya sistema "vtorogo poryadka" [Terminology as a semiotic system of the second order]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 4, pp. 41-55 (In Russian).

Keywords

Term, terminology, system of terms, definition, term studies.

References

1. Averbukh, K. Ya. (1986) Terminologicheskaya variantnost': teoreticheskii i prikladnoi aspekty [Terminological variation: theoretical and applied aspects]. *Voprosy yazykoznaniya*, 6, pp. 38-49. (In Russian).
2. Castellvi, C., Bagot, E., Sierra, V. (2012) Neology in specialized communication. *Terminology*, 18 (1), pp. 1-8.
3. Danilenko, V.P. (1971) Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov [Lexical-semantic and grammatical features of terms]. In: *Studies in terminology*, Moscow: Nauka, pp. 7-67. (In Russian).
4. Florenskij, P.A. (1994) Termin [Term]. In: Tatarinov, V.A. (comp.) *History of terminology. Classics of terminology: Essay and reader*. Moscow: Moskovskii Litsei, pp. 359-400. (In Russian).
5. Grinev, S.V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to Terminology]. Moscow. (In Russian).

6. Humbley, J., Palacios, G.J. (2012) Neology and terminological dependency. *Terminology*, 18 (1), pp. 59-85.
7. Kapanadse, L.A. (1965) O ponyatiyakh "termin" i "terminologiya" [The concepts of "term" and "terminology"]. In: *The development of the modern vocabulary of the language*. Moscow, pp. 75-85. (In Russian).
8. Kristiansen, K. (2005) Problem formulation and historical context define terminology and relevance – not linguistic formalism. *Antiquity*, 79 (305), pp. 694-695.
9. Leichik, V.M. (2006) *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [*Terminology: subject, methods, structure*]. Moscow: KomKniga. (In Russian).
10. Leichik, V.M., Shelov, S.D. (2004) Rossiiskoe terminovedenie: opyt sinteza "staroi" i "novoi" paradigmy [Russian Terminology: the experience of the synthesis of the "old" and "new" paradigm]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*, 1, pp. 45-48. (In Russian).
11. Moiseev, A.I. (1970) O yazykovoii sisteme termina [About the language system of the term]. In: *Linguistic problems of scientific and technical terminology*. Moscow, pp. 127-132. (In Russian).
12. Pecman, M. (2014) Variation as a cognitive device: How scientists construct knowledge through term formation. *Terminology*, 20 (1), pp. 1-24.
13. Pimentel, J. (2013) Methodological bases for assigning terminological equivalents: A contribution. *Terminology*, 19 (2), pp. 237-257.
14. Prokhorova, V.N. (1996) *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [*Russian terminology (lexical-semantic formation)*]. Moscow. (In Russian).
15. Shelov, S.D. (1984) Terminologiya, professional'naya leksika i professionalizmy (k probleme klassifikatsii spetsial'noi leksiki) [Terminology, professional lexis and professionalism (to the problem of classification of special vocabulary)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 5, pp 76-87. (In Russian).
16. Slozhenikina, U.V. (2010) *Terminologicheskaya variativnost': semantika, norma, funktsiya* [*Terminological variation: semantics, norm, function*]. Moscow: LKI. (In Russian).
17. Slozhenikina, U.V. (2013) *Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina* [*Basics of Terminology: Linguistic aspects of the theory of the term*] Moscow. (In Russian).

18. Tercedor, M. (2011) The cognitive dynamics of terminological variation. *Terminology*, 17 (2), pp. 181-197.
19. Vendrell, R.M., Domínguez, F.J. (2012) Emergent neologisms and lexical gaps in specialised languages. *Terminology*, 18 (1), pp. 9-26.
20. Vereshchagin, E. (1982) U istokov slavyanskoi filosofskoi terminologii: mentalizatsiya kak priem terminotvorchestva [At the root of the Slavic philosophical terminology: mentalization as a mode of term creation]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, pp. 105-114. (In Russian).
21. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow. (In Russian).